

© 2007 г. С. М. МИХЕЕВ

РАЗЛИЧИЯ В ОПИСАНИЯХ СОБЫТИЙ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТЕКСТОВ БОРИСОГЛЕБСКОГО ЦИКЛА

О кровавых событиях 1015–1019 гг., последовавших за смертью киевского князя Владимира Святославича, кроме летописи повествуют два древнерусских агиографических памятника: Несторово “Чтение о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба” (далее – Чтен.) [1. С. 1–26; 2. С. 179–206; 3. Р. 601–703] и анонимное “Сказание и страсть и похвала святым мученикам Борису и Глебу” (далее – Сказ.) [1. С. 27–51; 2. С. 1–154; 3. Р. 112–459]. В летописи подробно описывается гибель Бориса и Глеба и борьба Ярослава со Святополком. В Чтен. и Сказ. рассказы об убийстве Бориса и Глеба более пространны, а борьба между Святополком и Ярославом освящается менее подробно.

Описание этих событий во всех трех источниках несколько различно, хотя параллели между памятниками никогда не вызывали у исследователей сомнений относительно их тесной зависимости друг от друга. Между тем, проблема истории текстов борисоглебского цикла остается в науке дискуссионной.

Наиболее подробно изучен вопрос о соотношении “Сказания чудес святых страстотерпцев Романа и Давида” [1. С. 52–66; 2. С. 155–178; 3. Р. 477–579]¹ с той частью Чтен., где описываются чудеса, происходившие после гибели Бориса и Глеба [4. С. 112–113, 125–126; 5. С. 40–41 (§ 25), 56–61 (§§ 42–45); 6. С. 133–142, 161–174]. К сожалению, исследование этого вопроса мало что дает для разрешения проблемы соотношения летописи, Сказ. и той части Чтен., где идет речь о междоусобице Владимировичей.

Значительно больше копий сломано по поводу времени канонизации Бориса и Глеба (см. [7] с указанием литературы), также не напрямую связанной с интересующей нас темой.

А.А. Шахматов посвятил вопросу взаимоотношения текстов борисоглебского цикла самую большую главу своих “Разысканий о древнейших русских летописных сводах” [5. С. 29–97 (§§ 14–65)]. Исследователь предположил, что во вто-

Михеев Савва Михайлович – младший научный сотрудник ИСЛ РАН.

¹ Иногда исследователи включают “Сказание чудес” в состав Сказ., так как в рукописях эти памятники почти всегда соседствуют – “Сказание чудес” помещается после Сказ. Однако такое объединение не совсем корректно – первая часть “Сказания чудес”, в которой Борис и Глеб последовательно называются *Романом* и *Давидом*, содержит текст, безусловно, более древний, чем Сказ.

рой четверти XI в. было написано летописное сказание о Борисе и Глебе, которое вошло в “Древнейший летописный свод” (далее – Древн. св.). Событийная сторона этой версии рассказа о Борисе и Глебе, по мнению А.А. Шахматова, практически без изменений отразилась в Чтен., что дает нам возможность реконструировать Древн. св. [5. С. 64–66 (§§ 47, 49)]. В конце XI в., согласно А.А. Шахматову, на базе Древн. св. был составлен “Начальный летописный свод” (далее – Нач. св.), в котором фактическая часть сказания о Борисе и Глебе была значительно видоизменена под влиянием различных новых источников, привлеченных редактором летописи, – по большей части, местных легенд [5. С. 70–92 (§§ 52–64)]. Этим сводом и Чтен., по мнению А.А. Шахматова, пользовался около 1115 г. автор Сказ. [5. С. 36–40 (§§ 21–24)]. ПВЛ, написанная чуть позже, по мысли исследователя, включила сказание о Борисе и Глебе из Нач. св. практически без изменений [5. С. 30–32 (§§ 15–16)].

Позже концепция А.А. Шахматова была подвергнута критике. Однако никто из последующих исследователей не изучил столь подробно, как А.А. Шахматов, соотношение фактических сведений источников о междоусобице 1015–1019 гг. и ее предыстории.

В этой статье я хочу вновь поднять вопрос о значимости различий в описании событий для проблемы взаимоотношения текстов борисоглебского цикла.

Обратимся сначала к различиям анонимного Сказ. и летописи.

В изложении фактической стороны событий Сказ. почти везде согласно с ПВЛ.

Между тем, следует отметить отсутствие в Сказ. некоторых конкретных сведений летописи, на что указывал еще А.И. Соболевский: “Летопись говорит о вышегородских *болярцах* и о *насаде* Глеба; сказание не знает этих узких терминов и заменяет их более широкими и более свойственными литературному языку его времени: *мужи* и *кораблиць*. Замена узких понятий более широкими вполне естественна и легка (так мы можем свободно заменить узкое название *фрегат* широким названием *корабль*); что же касается до обратной замены, то едва ли она была возможна: она была совсем не нужна для летописца, который, к тому же, любил щегольнуть книжным словом” [8. С. 802].

Наиболее значительный вклад в сравнение летописи и Сказ. внес А.А. Шахматов. “Отвергаю самым решительным образом возможность заимствования летописного сказания из подлежащего нашему исследованию житийного (Сказ. – С.М.), – писал А.А. Шахматов. – Житийное сказание не содержит в себе ничего существенного, чего бы не было в летописном; оно отличается от летописного сказания одною риторикой <...>; так, в нем вставлены длинные речи и причитания, сначала Бориса, потом Глеба; длинные размышления приписаны самому Святополку после того, что он убил Глеба. Летописное сказание полно определенных фактов; риторики в нем мало; в сущности, риторика прорвалась только в предсмертном причитании Глеба. Мы знаем ценность сообщаемых нашею летописью фактов; если летописец умел так или иначе представить длинный ряд событий X и XI века, то естественно ему же приписать занесение на письмо фактов, относящихся к убийству Бориса и Глеба; факты эти согласованы с другими, сообщенными им раньше и появляющимися у него позже” [5. С. 33 (§ 18)].

А.А. Шахматов также отметил отсутствие “основания для допущения общего источника, которым руководились бы, с одной стороны, житийное, а с другой, летописное сказание”. По мнению исследователя, “за исключением общих

с летописью фактов, в житии останется одна риторика и лирика; следовательно, предполагать для жития отличный от летописи, не тождественный с летописью источник представляется совершенно излишним; риторика и лирика могла быть прямо сочинена составителем жития” [5. С. 34 (§ 19)]².

Недавно к сравнению летописи и Сказ. обратилась Н.И. Милютенко. Исследовательница отметила, что в отличие от летописи с ее “скупой образностью” в Сказ. мы находим больше определений, причастных оборотов, антитез и повторов, значительно большую роль в повествовании Сказ. играют цитаты [10. С. 160–166]. Разбирая употребление в текстах борисоглебского цикла эпитетов *святой* и *блаженный* применительно к Борису и Глебу, Н.И. Милютенко продемонстрировала, что в летописи эти определения редки, и сделала предположение, что первоначально они в летописи отсутствовали и были вставлены в текст вместе с другими поздними интерполяциями [10. С. 166–170]. Обе выявленные Н.И. Милютенко особенности, как кажется, подкрепляют вывод А.А. Шахматова о невозможности развития от Сказ. к летописи.

Рассмотрим теперь подробно несколько сходных фрагментов летописи и Сказ., чтобы на этих примерах проверить выводы предшествующих исследователей.

Под 6496 г. в большинстве русских летописей читается подробный список сыновей князя Владимира Святославича:

“Володимиръ же просвѣщенъ самъ и с(ы)н(о)ви его · и земля его · бѣ бо оу него с(ы)н(о)въ · 12 · Вышеславъ · Изяславъ · С(вя)тополкъ · и Ярополкъ · Всеволодъ С(вя)тославъ · Мъстиславъ · Борисъ и Глѣбъ · Станиславъ · Позвиздъ · Судиславъ · и посади Вышеслава в Новѣгородѣ · а Изяслава в Полотъскѣ · а С(вя)тополкъ в Туровѣ · Ярослава в Ростовѣ · и оумершю же старшишому · Вышеславу в Новѣгородѣ · и посади Ярослава в Новѣгородѣ · а Бориса в Ро-

² С.А. Бугославский, последовательно сопоставивший в своей диссертации весь сходный текст Сказ. и летописи [9. С. 227–242]), пришел к следующим выводам: “Детальное сравнение Ск[аз]. с л[етописью] свидетельствует, что автор Ск[аз]. почти переписал весь материал летописного рассказа о смерти братьев. Очень немного он опускает (см. отрывки 3, 5), чаще же распространяет сказанное в летописи в риторически-расширенных оборотах (отрывки 6, 7, 9, 11, 21, 22), иногда из кратких сообщений Л[етописи] строит целые эпизоды с художественно создаваемыми деталями (отрывки 10, 14, 15, 16, 17, 19, 21). Однако предоставленный самостоятельной работе, отдаляясь от летописного текста или пытаясь сочетать другие статьи Л[етописи], автор Ск[аз]. теряется, впадает нередко в противоречия. Он не умеет согласовать созданные им фактические подробности с изложением своего источника, теряет нить хронологического повествования (см. отрывки 11, 12, 17, 18, 21, 22)” [9. С. 242–243].

Далее С.А. Бугославский пишет: “Автор летописной статьи не задавался целью написать житие; отсюда агиографические общие места у него случайны и немногочисленны. Автор Сказания старательно изложил весь текст летописной статьи, изредка отступая от ее фразеологии, опустив лишь несколько предложений. Поставив себе задачей написать житие Б[ориса] и Г[леба], автор Сказания не мог ограничиться историческим материалом летописной статьи 6523 г. и ее немногими агиографическими местами; он должен был обратиться к общеагиографическому литературному материалу. В уста своих героев автор Сказания влагает пространные молитвы и речи, где подчеркивается их непротивление злу и уважение к родовым понятиям, послушание старшим, любовь к ближнему, благочестие и религиозная настроенность. Описание смерти братьев, лаконическое и простое в летописи, автор Сказания расширяет в образные эпизоды, где проявилось его безусловное художественное дарование. Наибольшую независимость автор Сказания проявляет в лирических местах – в молитвах” [9. С. 253].

Все эти наблюдения С.А. Бугославского, несомненно, верны.

стовѣ · а Глѣба въ Муромѣ · С(вя)тостава в Деревѣх Всеволода в Володимѣрѣ · Мьстислава въ Тмутороканѣ" [11. Стб. 105–106]³.

Легко заметить, что братьям, расположенным в списке первыми, достаются наиболее значимые княжения. Из этого следует, что Владимировичи перечислены в этом перечне по старшинству. О Вышеславе – первом в списке – особо говорится, что он был старшим из братьев.

Под 6488 г. в летописях дан другой перечень сыновей Владимира. Этот список сильно отличается по структуре от цитированного выше: он дополнен указанием матерей Владимировичей, дети перечислены в ином порядке. В Новгородской первой летописи младшего извода (НовГмл)⁴, в Лаврентьевской (Лавр.) и Радзивилловской (Радз.) летописях находим примерно одинаковый текст. Привожу его по НовГмл:

“Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбедѣ, идеже есть нынѣ селище Передѣславино, от нея же родишася 4 сыны: Изяслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, и двѣ дщери; от Грѣкинѣ Святополка, а от Чехинѣ Вышеслава, а от другыя Святослава, Мьстислава, а от Болгарынѣ Бориса и Глѣба” [12. С. 128]⁵.

Второй список обладает несколькими особенностями, смысл которых не совсем ясен. Во-первых, встает вопрос, почему вместо двенадцати сыновей, как в списке 6496 г., здесь перечислены лишь десять и две дочери. Во-вторых, непонятно, почему Владимировичи расположены в перечне 6488 г. не по старшинству. В списке 6496 г. первым сыном назван Вышеслав. То есть если бы автор списка 6488 г. желал составить список по старшинству, то в первую очередь должен был сообщить о том, что сыном Владимира от чехини был Вышеслав.

И.Н. Данилевский обратил внимание на связь списка 6488 г. с библейским списком сыновей Иакова в “Книге Бытия”: “Сынов же у Иакова было двенадцать. Сыновья Лии: первенец Иакова Рувим, по нем Симеон, Левий, Иуда, Иссахар и Завулон. Сыновья Рахили: Иосиф и Вениамин. Сыновья Валлы, служанки Рахилиной: Дан и Неффалим. Сыновья Зелфы, служанки Линой: Гад и Асир” (Быт. 35: 22–26).

То, что дети Владимира распределены в списке 6488 г. по их матерям, как и сыновья Иакова, по мнению И.Н. Данилевского, говорит о желании летописца связать героев своего повествования с библейскими персонажами [15. С. 169–174].

На мой взгляд, кроме самого факта распределения сыновей (и дочерей) Владимира по матерям, большое значение имеет структурное сходство, которым обладают списки. При параллельном расположении сыновей Иакова и Владимира в таблице 1 с указанием матерей (при соблюдении порядка их перечисления в библейском и летописном списках) образуются ячейки, которые четко соответствуют друг другу.

³ Ср. [12. С. 159; 13. Стб. 121; 14. Л. 66 об.-67]. Во всех списках кроме Ипатьевского списка Ипат. вместо Ярополка указан Ярослав. В Лавр. Святополк и Ярослав перечислены в обратном порядке. В Радз. пропущен текст после слов *Вышеслава в Новѣгородѣ* до слов *Ярослава в Новѣгородѣ* включительно.

⁴ В старшем изводе часть летописи, включающая текст списка, отсутствует.

⁵ Ср. [13. Стб. 79-80; 11. Стб. 67; 14. Л. 45]. В нескольких списках Ипат. вместо второго Мьстислава имеется пропуск. В Ипатьевском списке на полях здесь приписан Станислав. Во всех летописях кроме Лавр. вместо “от друугоѣ” ошибочно читается “от друогыя”.

Таблица 1

Быт. 35: 22–26		Летопись под 6488 г.	
матери	дети	матери	дети
Лия	Рувим Симеон Левий Иуда Иссахар Завулон	Рогънѣдь	Изяславъ Мьстиславъ Ярославъ Всеволодъ двѣ дщери
Рахиль	Иосиф	грѣкыни	Святопѣлкъ
	Вениамин	чехыни	Вышеславъ
Валла	Дан Неффалим	дроугая	Святославъ Мьстиславъ
Зелфа	Гад Асир	болгарыни	Борисъ Глѣбъ

Лишь при взгляде на эту таблицу становится ясно, зачем летописцу понадобилось дополнять список двумя дочерьми и перечислять более старших сыновей после более младших. Именно соответствие количества детей от каждой из жен имело решающее значение при составлении летописного списка⁶.

Для нас сейчас несущественно, какую идею хотел донести до своего читателя летописец, проводя описанную выше параллель⁷. Важно, что в Сказ. перечень сыновей Владимира по своей структуре отличается от летописных списков:

“Съ убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12, не отъ единой жены, нъ отъ раснъ матеръ ихъ, въ нихъ же бяше старѣй Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 – Святополкъ, иже и убиство се зълое изъобрѣтъ. Сего мати прежде бѣ чърницею, грѣкыни сущи, и поятъ ю бѣ Яропѣлкъ, братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея, и зача отъ нея сего Святопѣлка оканьнааго. Володимиръ же, поганѣй еще, убивъ Яропѣлка и поятъ жену его, непраздну сущю, отъ нея же родися сий оканьный Святопѣлкъ. И бысть отъ дѣвою отцю и брату сущю, тѣмъ же и не любляше его Володимиръ, акы не отъ себе ему сущю. А отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода. А отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ Болгарынѣ Бориса и Глѣба. И посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инѣде съкажемъ. Сихъ же съповѣмы убо, о нихъ же и повѣсть си есть. Посади убо сего оканьнаго Святопѣлка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава – Новѣгородѣ, а Бориса – Ростовѣ, а Глѣба – Муромѣ. Нъ се остаану много глаголати, да не многописании въ забыть вѣлѣземъ” [1. С. 27–28].

⁶ В нашем тексте остались два противоречия. Во-первых, соответствие количества детей от каждой из жен оказалось не соблюдено в случае с Рахилью. Во-вторых, Святополк оказался помещен перед старшим братом Вышеславом. Для выяснения причин этих противоречий необходимо подробное рассмотрение летописных сведений о грекине – матери Святополка. Такое рассмотрение в рамках данной статьи, к сожалению, невозможно.

⁷ Скорее всего, автор списка 6488 г. сопоставлял Владимира с библейским Иаковом, как предположил И.Н. Данилевский [15. С. 173].

А.А. Шахматов предположил, что в этом фрагменте Сказ. склеены два летописных списка Владимировичей – 6496 и 6488 гг. По наблюдению А.А. Шахматова, «согласно с летописью, составитель житийного сказания сообщил о том, что у Владимира было 12 сыновей от нескольких жен; старшим назван Вышеслав (ср. Пов. вр. лет под 988 г.), вторым – Изяслав (ср. там же), третьим назван Святополк (в Пов. вр. л. под 988 он также назван третьим, в Радз. и Ипат. списках); при этом читаем: “сего мати прежде бѣ чърницею Грькыни соуши <...>” (ср. Пов. вр. л. под 977 и 980 гг.). Обращение от статьи 988 года к статье 980 года имело следствием, что выписки продолжались уже из этой статьи: “а отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава и Ярослава и Всеволода, а отъ иная Святослава и Мьстислава, а отъ Българынѣ Бориса и Глѣба” (ср. совершенно то же в Пов. вр. л. под 980)» [5. С. 34–35 (§ 20)].

Выявленная А.А. Шахматовым особенность структуры списка Владимировичей в Сказ. может быть проиллюстрирована таблицей 2.

Таблица 2

Летописи				Сказ.		
под 6488 г.		под 6496 г.				
		бѣ оу него с(ы)н(о)въ 12		имѣяше сыновъ 12		
матери	дети	№	сыновья	№	матери	сыновья
Рогнѣдь	Изяславъ	1	Вышеславъ	1	грѣкыни	Вышеславъ
	Мьстиславъ	2	Изяславъ	2		Изяславъ
	Ярославъ	3	Святополкъ	3		Святополкъ
	Всеволодъ	4	Ярославъ	Рогнѣдь		Изяславъ
	двѣ дщери	5	Всеволодъ			Мьстиславъ
		6	Святославъ			Ярославъ
грѣкыни	Святополкъ	7	Мьстиславъ	Всеволодъ		
чехыни	Вышеславъ	8	Борисъ			
дроугая	Святославъ	9	Глѣбъ	иная		Святославъ
	Мьстиславъ	10	Станиславъ			Мьстиславъ
болгарыни	Борисъ	11	Позвиздъ	болгарыни		Борисъ
	Глѣбъ	12	Соудиславъ			Глѣбъ

Автор этого фрагмента Сказ. разрушил имевшуюся в его источнике (списке 6488 г.) аллюзию. Для него, вероятно, было важнее собрать прямую негативную информацию о Святополке, имевшуюся в летописи.

Итак, анализ списков сыновей Владимира в различных текстах борисоглебского цикла убеждает нас в зависимости Сказ. от летописи⁸.

⁸ Я не намерен проводить дальнейшее детальное сравнение летописи со Сказ., так как практически весь остальной текст этих памятников может быть истолкован как в пользу первичности летописи, так и в пользу первичности Сказ., однако такое истолкование будет почти всегда сугубо гипотетическим.

Мне не известны какие-либо доводы, способные перевесить приведенные выше доказательства того, что текст Сказ. основан на тексте летописи.

Рассмотрим теперь взаимоотношения летописи и Чтен.

Несторово “Чтение” отличается от летописи в первую очередь тем, что в нем мы не находим большинства конкретных сведений, известных по летописи [6. С. 184–185; 16. С. 99; 9. С. 286]. Эта особенность выражена в Чтен. значительно сильнее, чем в Сказ. Вместо перечисления сыновей Владимира автор Чтен. кратко сообщает: *быша сынове мнози у Владимира*, вместо перечисления их столов говорит: *Пусти же благовѣрный князь сыны своя кождо на свою область, яко же далъ имъ самъ*. Вместо печенегов в Чтен. фигурируют *ратнии*. Нет в Чтен. подробностей захоронения Владимира. Альта и Смядынь, где были убиты Борис и Глеб соответственно, не упоминаются вовсе. Золотая гривна и отсечение головы Борисова слуги Георгия не упоминаются. Дружине соответствуют у Нестора *суици с нимъ* [Борисом] *вои*. *Вышегородскыи мужи*, перечисленные в летописи поименно, в Чтен. просто названы *слугами* Святополка. Вместо Новгорода находим *полунощныя страны*. Не упоминается главарь посланных Святополком убийц Глеба Горясер. Повар Глеба Торчин назван у Нестора просто *старѣишина поваромъ*. О борьбе Ярослава со Святополком говорится кратко: *нѣ и на прочюю братью въздвизаше гонения*⁹.

Кроме того, рассказ Нестора местами выглядит более логичным, чем в летописи. Так, отсутствует двукратное описание убийства Бориса (об этой особенности подробнее пойдет речь ниже), отсутствует рассказ о несколько хаотичных передвижениях Глеба перед его убийством, который мы находим в летописи.

Есть у Нестора и некоторые подробности, которых в летописи нет: о Вышгороде уточняется, что он находится в 15 стадиях от Киева, о Киеве – то, что он – столица¹⁰.

Сравнив Чтен. с летописью, А.А. Шахматов писал: “Итак, связь Несторова сказания с летописным очевидна; в них можно отметить даже общие фразы. Особенно важно, что ход рассказа одинаков в том и другом сказании. Объяснить эту связь можно, конечно, трояко: Нестор пользовался летописью; летопись пользовалась Нестором; Нестор и летопись пользовались одним общим источником.

Я не могу признать состоятельным первое объяснение, если под летописью будем разуметь Нач. свод или Повесть вр. лет. Не стану выдвигать того аргумента, что летопись эта моложе Несторова сказания; я отрицаю самую возможность того, что Нестор знал летописное сказание в том его виде, в каком оно дошло до нас, в составе хотя бы Начального свода; отрицаю потому, что решительно не понял бы причины резкого отклонения Нестора от фактической

⁹ А.А. Шахматов считал, что указание на точное место гибели Бориса отсутствовало в Древн. св., как и в Чтен. По мнению ученого, «если оно было в Древнейшем своде, Нестору не было бы основания опустить его: вместо того, чтобы сказать “а самъ съ отроки пребысть на мѣстѣ томъ день тѣи”, он мог бы поставить: “на Лытѣ день тѣи”» [5. С. 83 (§ 59)]. Очевидно, А.А. Шахматов не придавал большого значения тому факту, что в Чтен. отсутствуют *практически все* аналогичные конкретные детали.

А.А. Шахматов также полагал, что имя слуги Георгия не сообщалось в Древн. св.: “Сомневаюсь, чтобы Нестор умышленно умалчал его имя, если оно было бы ему известно; мне кажется, что это было бы противно обычным агиологическим приемам. Одно дело – не назвать окаянных убийц или опустить имя того властелина града, сын которого удостоен был исцеления, и другое дело – скрыть имя угодника Божия” [5. С. 85 (§ 60)].

¹⁰ Складывается такое впечатление, что Чтен. создавалось в том числе и для читателей, не знакомых с русскими реалиями.

части дошедшаго до нас летописнаго сказания, если бы это последнее было ему известно” [5. С. 64 (§ 47)].

Приведем все отличия Чтен. от летописи, которыми А.А. Шахматов обосновывал эту точку зрения.

Во-первых, А.А. Шахматов считал, что Нестор сообщает о княжении Бориса во Владимире-Волынском, хотя по летописи он получил Ростов [5. С. 65 (§ 47)]. Это мнение А.А. Шахматова базируется на интерпретации следующей фразы Нестора: *посла и [т.е. Бориса] потомъ отецъ и на область Владимиръ юже ему дать, а святого Глѣба у себе остави* [1. С. 6]. Слово *Владимеръ* А.А. Шахматов понимает здесь как топоним.

Между тем, С.А. Бугославский объяснил этот пассаж следующим образом: «[П]риняв во внимание последовательный прием Нестора не называть собственных имен, даже важных для его рассказа, как Киев, Вышгород, Ярослав, Глебовы убийцы, с другой стороны, зная, что Нестор пользуется фактическим материалом только летописи и Сказания, мы полагаем, что “Владимер” здесь собственное имя князя (его Нестор не избегает), а не название области; слово “Владимер”, таким образом, является приложением к слову отецъ, но поставлено, с точки зрения современного языка не на месте. Стало быть, в Чтении здесь нет ничего нового по сравнению со Сказанием и летописью» [9. С. 287]. Это предположение С.А. Бугославского подтверждается при обращении к рукописной традиции: в ряде рукописей слова *Владимеръ юже ему дать* отсутствуют [2. С. 185, прим. 180; 3. С. 628, прим. 33–36].

Во-вторых, А.А. Шахматов считал серьезным расхождением Чтен. и летописи в описании событий то, что согласно Нестору Владимир оставил Глеба при себе в Киеве, хотя по летописи Глебу был дал в удел Муром [5. С. 64–65 (§ 47)]. Это различие текстов также было разобрано С.А. Бугославским: «Нестор отступает здесь от Ск[аз.], которое называет уделы Б[ориса] и Г[леба]; он говорит, что Владимир у себя держал Бориса и Глеба “занеже единаче детеска беста”. Если бы Нестор сказал это об одном Глебе, мы могли бы подумать, что высказывание его восходит к иному источнику; но ведь он говорит, что и Борис остался у отца; ниже, однако, и Нестор сообщает, что Б[орис] был послан “на область”; стало быть, в этом отступлении можно было видеть лишь литературный мотив: Нестор хотел нарисовать картину благочестивого сожительства обоих братьев (см. XVI; 119)¹¹. Ниже Нестор (XVI; 196) все же, согласно Ск[аз.], заставляет Бориса *явиться* к отцу, боявшемуся, чтобы Святополк не пролил крови праведного» [9. С. 263].

В-третьих, А.А. Шахматов относил к важным отклонениям Чтен. от летописи то, что согласно Нестору Глеб встретил своих убийц, когда шел из Киева на север в ладьях, а не из Мурома в Киев – сначала на конях и только потом в ладьях – как об этом сообщает летопись [5. С. 76 (§ 55)]. А.А. Шахматов считал сюжет Чтен. первоначальным по отношению к летописному, однако не привел никаких доводов в пользу этого мнения. На мой взгляд, обратное развитие представить себе проще: Нестор мог упростить сюжет своего источника для того, чтобы не описывать странные передвижения Глеба, так как считал такое описание излишним.

¹¹ Здесь С.А. Бугославский отсылает к словам “Сиде же ему [Борису] молящася по вси часы, а святыи Глѣбъ послушаше его, сѣдя и не отлучашеся отъ блаженнаго Бориса, но с нимъ день и ночь послушаше его” [1. С. 5].

Все эти наблюдения заставляют отказаться от точки зрения А.А. Шахматова, утверждавшего, что летопись, сходная своими фактическими данными с ПВЛ, никак не могла быть источником Чтен.

Оставив пока в стороне вопрос о первичности летописи или Чтен., сравним между собой два аггиографических памятника, повествующих об убиении Бориса и Глеба.

Исследователи давно обратили внимание на то, что в Чтен. и Сказ. мы находим ряд параллельных чтений, не имеющих прообразов в тексте летописи. Это говорит о том, что либо автор Чтен. пользовался Сказ., либо наоборот. Большая часть этих параллелей связана с риторическими украшениями, однако есть и пересечения в изложении событийного ряда.

А.А. Шахматов и С.А. Бугославский делали диаметрально противоположные выводы относительно взаимоотношения Чтен. и Сказ.

С.А. Бугославский отстаивал мнение о зависимости Чтен. от Сказ.: «Почти все рассмотренные нами параллели (особенно наши отрывки 1, 5, 7, 9, 16, 18, 25, 26, 27, 34, 35, 38, 39) указывают на прямую зависимость Нестора от текста Сказания. Здесь не может быть речи об общем источнике Чт[ен]. и Ск[аз]. Однако параллели 14, 19 и 21 сближают Чтение и с летописью. Стало быть, Нестор знал и летописное повествование о Б[орисе] и Г[лебе] (ниже покажем, что он пользуется и другими местами летописи). Вся фактическая сторона Сказания с последующими чудесами использована Нестором частично с изменениями; он излагает свое Чтение в той же последовательности, в какой ведется рассказ Сказания (некоторые отступления в Ск[аз]ании о чуд[есах] отмечены выше). Стало быть, Сказание было основным источником Чтения¹². Сказание было неизменно пред глазами Нестора во время его работы над “житием” Б[ориса] и Г[леба], т.к. он его использовал и в отношении текста. Однако он не считал его удовлетворяющим требованиям византийского аггиографического стиля; оттого он и принялся за свое Чтение; потому он и не заимствует текста из молитв и речей действующих лиц Сказания, потому он старательно перерабатывает и фактическую и стилистическую сторону своего основного источника» [9. С. 285].

Между тем, все выводы С.А. Бугославского могут быть перевернуты с точностью до наоборот. Приводя длинный список текстуальных параллелей Чтен. и Сказ. [9. С. 262–270], исследователь лишь в одном случае пытается доказать первичность текста Сказ.: зависимость Чтен. от Сказ. С.А. Бугославский усматривал в различном указании на время правления Владимира, содержащемся во введениях к этим памятникам:

“Сице убо бысть малѣмъ преже сихъ¹³, сущю самодрѣжцю въсей Русьскѣи земли Володимиру” (Сказ.) [1. С. 27].

“Бысть бо, рече, князь въ тыи годы, володѣй всею землею Рускою, именемъ Владимиръ” (Чтен.) [1. С. 4].

¹² В таком случае нам не придется вместе с Д.В. Айналовым создавать недошедшую до нас и нигде не упоминаемую повесть о Б[орисе] и Г[лебе], написанную якобы митр. Иоанном I (см. ИОРЯС, т. XV (1910), кн. 3, с. 41–42). Все ссылки на “неизвестного автора” (“рече”) относятся к анон. Ск[аз]. и др. известным памятникам. В упомянутой нашей статье о Несторе выписаны эти ссылки и их источники (гл. 1); здесь же разобраны те недоуменные вопросы, которые возникают, если предположить, что Ск[аз]. пользуется Чтением. (Примечание С.А. Бугославского. – С.М.)

¹³ В некоторых списках добавлено *лѣтъ*.

По мнению ученого, слова *въ тѣхъ годы*, безусловно, должны были быть написаны позднее выражения *малѣмъ прежде сихъ лѣтъ* [9. С. 262]. Этот вывод С.А. Бугославского не кажется мне доказательным.

Все остальные параллели между Чтен. и Сказ., приведенные исследователем, доказывают лишь тесную связь этих памятников, но никак не то, что Нестор пользовался “Сказанием”.

Между тем, не желая верить в возможность обратного развития текстов, С.А. Бугославский задает противникам своей точки зрения следующие вопросы:

“Если мы предположим, что анонимное Сказание воспользовалось Чтением, используя и летописный рассказ, как доказали акад. А.И. Соболевский и акад. А.А. Шахматов, то мы должны были бы дать ответ на такие вопросы [1]¹⁴. Почему Сказание не отразило ни одного факта и выражения, которые являются продуктом личного творчества преп. Нестора, или взяты им из других источников, помимо летописи? [2.] Почему, имея готовое житие, более полное и близкое к агиографическим образцам, автор анонимного Сказания все же положил в основу своего рассказа летопись, черпая у Нестора лишь отдельные разбросанные в разных местах жития выражения и создавая из них цельную Похвалу (в конце Сказания), при этом ему приходилось разгадывать неясные места своего источника? [3.] Почему на анонимном Сказании о чудесах не отразилось сказание о чудесах преп. Нестора; если же мы предположим, что Сказание о убиении и Сказание о чудесах написаны одним автором, то почему он не принял подробной редакции чуда о жене сухорукой, которую Нестор слышал от самой исцеленной, а передает по другому менее осведомленному источнику? [4.] Почему автор Сказания там, где преп. Нестор не сходится с летописью, обращался к этой последней, а не к Чтению? [5.] Почему, наконец, автор Сказания, если он пользовался Чтением, где Похвала в конце, после Сказания о чудесах, вставил ее в середине произведения выделив Сказание о чудесах в отдельную повесть?” [6. С. 142–143].

Итак, ответим на вопросы С.А. Бугославского по порядку.

1. Первый вопрос, к сожалению, – продукт априорного мнения С.А. Бугославского о первичности Сказ. по отношению к Чтен. Сам исследователь обнаружил немало параллелей между Чтен. и Сказ., которые не имели прообразов в тексте летописи. Ни для одного из них не доказана первичность версии Сказ. Один из параллельных сюжетов, для которого можно доказать обратное, будет разобран ниже.

2. Как известно, Сказ. дошло до нас в значительно большем количестве списков, чем Чтен., следовательно было более востребовано. По меньшей мере странно обвинять в плохой технике бега победителя марафона.

3; 5. Как показал сам С.А. Бугославский, “Сказание чудес” (по крайней мере, его первая часть, в которой Борис и Глеб называются исключительно Романом и Давидом) – независимый от Сказ. памятник, бывший либо источником второй (“чудесной”) части Чтен., либо имевший с ней общий источник¹⁵.

¹⁴ Нумерация вопросов моя. – С.М.

¹⁵ Скорее всего, как полагал еще Макарий (Булгаков), это изначальное “Сказание чудес” было источником Чтен., которое в свою очередь повлияло на более позднюю версию “Сказания чудес” [4. С. 112-113, 125-126].

4. Во-первых, как уже говорилось, С.А. Бугославский выявил, что многие расхождения Чтен. с летописью объясняются тенденциозностью агиографа. Очевидно, что этот факт мог быть выявлен и составителем Сказ. Во-вторых, вопрос С.А. Бугославского не совсем корректен, так как автор Сказ. часто контаминировал разнящиеся по содержанию сведения летописи и Нестора, что будет продемонстрировано ниже.

Итак, вероятно, теория С.А. Бугославского о первичности Сказ. по отношению к Чтен. была основана на его априорном мнении о времени составления Сказ. и Чтен., выведенном из сопоставления “Сказания чудес” со второй частью Чтен.

Таким образом, проблема соотношения Сказ. и Чтен. требует дальнейшего исследования.

Рассмотрим одну интересную особенность, которая имеется во всех основных версиях повествования об убийстве Бориса – своеобразное *раздвоение убийства*¹⁶.

Вот как описывается заключительная часть убийства Бориса в Лавр., судя по всему, достаточно точно отразившей на данном отрезке Нач. св.¹⁷:

1) “и помолившюся ему · възлеже на одрѣ своем · и се нападоша акы звѣрьє дивии около шатра · и насунуша и копы · и прободоша Бориса¹⁸

2) и слугу его · падша на нем прободоша с нимь · бѣ бо се любимъ Борисомъ · бяше отрокъ съ родомъ с(ы)нъ Оугърескъ · именемъ Георги · егоже любляше повелику Борисъ · бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику · в неже предъстояше предъ нимъ · и избиша же и ины отроки Борисовы многы · Георгеви же сему не могуще вборзѣ · сняти гривны съ шитѣ · устѣкнуша главу его · и тако сняша [гривноу · а главою отвергоша проч]¹⁹ и тѣмъже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии ·

3) Бориса же оубивше оканънии оувѣрѣвше в шатеръ · възложивше на кола повезоша и · и еще дышюще ему · оувѣдѣвше²⁰ же се оканънии С(вя)тополкъ яко еще дышетъ · посла два Варяга прикончатъ его · онѣма же пришедшема [и видѣвшема]²¹ · яко и еще живъ есть · единъ ею извлекъ мечъ пронъзе и къ срѣцю · и тако скончася бл(а)ж(е)нии Борисъ” [13. Стб. 133–134].

В этом фрагменте можно выделить три неравные части: (1) описание ранения Бориса копьями в шатре (22 слова), (2) более подробное описание убийства его слуги Георгия (77 слов) и (3) описание убийства Бориса двумя варягами, спе-

¹⁶ Об этом сюжете уже шла речь в моем докладе (см. [17]).

¹⁷ Рассказ об убийстве Бориса не имеет серьезных различий в древнейших списках ПВЛ и в НовгІмл. Скорее всего, как предположил еще А.А. Шахматов, он примерно в таком же виде читался в Нач. св. [5. С. 30–32 (§§ 15–16)].

¹⁸ Разделение на абзацы и их нумерация арабскими цифрами за круглыми скобками здесь и ниже в тексте источников мои. – С.М.

¹⁹ Слова, помещенные в квадратные скобки, отсутствуют в Лавр. Текст вставлен из Радз. В Ипатьевском списке Ипат.: *гривну ту · а главу отвѣргъше прочь*, в Хлебниковском списке (Хлебн.) Ипат.: *гривну ту · главу отвѣргъше прочь*. В НовгІмл: *отвергъша главу его прочь* (Комиссионный (Комисс.) список), *отвергъ главу его прочь* (Академический (Акад.) список).

²⁰ В Радз., в Комисс. и Троицк. НовгІмл – *увидѣвъ*. В Ипат. *оувидивъше*. В Акад. НовгІмл *увидѣвше*, Толст. НовгІмл *уѣдѣвше*.

²¹ Реконструкция А.А. Шахматова [18. С. 171]. В Лавр. слов, помещенных в квадратные скобки, нет, в Радз. и НовгІмл и *видѣша*, в Ипат. и *видившима*, в Хлебн. *видѣше*.

циально посланными Святополком, узнавшим о том, что Борис еще жив (52 слова).

В тексте Чтен. эпизод с добиванием Бориса двумя варягами вроде бы отсутствует, хотя вместо этого имеется мотив добивания “одним из губителей”:

1) “И они же, акы звѣрие дивии, нападоша на нь и внизоша во нь сулицы свои.

2) И се единъ отъ престоющихъ ему слугъ паде на немъ, они же и того пронизоша,

3) и мнѣвъ же блаженаго мертва суца, изидоша вонъ.

4) Блаженный же воскочи, въ оторопѣ бывъ, изиде изъ шатра

5) и въздѣвъ на небо руцѣ, моляшеся, сице глаголя. *〈Молитва Бориса.〉*

6) Се же ему рекшу, единъ отъ губитель, притекъ, удари въ сердце его, и тако блаженный Борисъ предасть душу в руцѣ Божии,

7) мѣсяца июля въ 24 день” [1. С. 11].

В Сказ. аналогичный фрагмент выглядит еще сложнее:

1) «И абие узрѣ текущихъ къ шатру блистание оружия и мечное оцѣщение. И без милости прободено бысть чѣстьное и многомилостивое тѣло святааго и блаженааго Христова страсотърпыца Бориса: насунуша копии оканьнии Путьша, Тальць, Еловичъ, Ляшько.

2) Видѣвъ же, отрокъ его вѣржеся на тѣло блаженааго, рекый: “Да не остану тебѣ, господине мой драгый, да идеже красота тѣла твоего увядаетъ, ту и азъ съподобленъ буду съконъчати животъ свой”. Бяше же съ родѣмъ Угринъ, имѣньмъ же Георгий, и бѣаше възложилъ на нь гривну злату, и бѣ любимъ Борисѣмъ паче мѣры. И ту же и пронизоша.

3) И яко бысть ураненъ, и искочи и шатра въ оторопѣ.

4) И начаша глаголати стояще округъ его: “Чѣто стоите зряще? Приступивъше, сконъчаимъ повелѣнное намъ”.

5) Си слышавъ, блаженный начатъ молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя: “Братия моя милая и любимая, мало ми время отдаите, да понѣ помолюся Богу моему”.

6) И възрѣвъ на небо съ слезами и горѣ въздѣхнувъ, начатъ молитися сицими глаголы. *〈Молитва Бориса²².〉*

7) И възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемъ лицѣмъ, и вѣсь слезами обливъся, рече: “Братие, приступивъше, сконъчайте службу вашу, и буди миръ брату моему и вамъ, братие”. Да елико слышаху словеса его, отъ слъзъ не можаху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и мѣногыхъ слъзъ; нѣ съ въздыханиемъ горькымъ жалостно глаголааху и плакаахуся, и къждо въ души своей стонааше. “Увы намъ, кѣняже нашъ милый и драгый и блаженный, водителю слѣпымъ, одеже нагымъ, старости жѣзле, казателю ненаказанымъ! Кто уже си вѣся исправить, како не вѣсхотѣ славы мира сего, како не вѣсхотѣ веселитися съ чѣстьными вельможами, како не вѣсхотѣ величия, еже въ житии семъ? Кѣто не почюдиться великууму съмирению, кѣто ли не съмѣрится, оногo съмѣрение видя и слыша?”

8) И абие усьпе, предавъ душу свою въ руцѣ Бога жива,

9) мѣсяца июля въ 24 днь, прежде 9 каландъ августа.

²² Содержание молитвы в Сказ. не пересекается с молитвой Бориса в Чтен.

10) Избиша же и отроки многы; съ Георгия же не могуше съняти гривны, и отсѣкъше главу, отъвъргоша и кромѣ, да тѣмъ и послѣдъ не могоша позна-ти тѣла его.

11) Блаженааго же Бориса обьртѣвъше въ шатъръ, възложивъше на кола, повезоша, – и яко быша на бору, начатъ въскланяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ, Святоплѣкъ пославъ два Варяга, и прободоста и мечьмъ въ срьдѣце, и тако съконьчася» [1. С. 35–37].

Этот текст оказывается длиннее и сложнее по структуре, чем тексты летописи и Чтен.

Сопоставим все приведенные тексты в таблице 3 (цифры в графах обозначают количество слов в каждом из выделяемых отрезков).

Таблица 3

Эпизоды	Нач. св.	Чтен.	Сказ.
№ 1 <i>ранение Бориса копьями</i>	22	15	33
№ 2 <i>ранение слуги (Георгия)</i>	(47+	15	56
№ 3 <i>выход убийц из шатра</i>	–	8	ср. № 5
№ 4 <i>выбегание Бориса из шатра</i>	–	9	ср. № 5
№ 5 <i>выбегание “его” из шатра</i>	–	ср. № 4	10
№ 6 <i>призыв убийц добить Бориса</i>	–	–	13
№ 7 <i>просьба Бориса о молитве</i>	–	–	25
№ 8 <i>молитва Бориса</i>	–	97	177
№ 9 <i>призыв Бориса к убийцам добить его и смиренная речь убийц</i>	–	–	119
№ 10 <i>смерть Бориса</i>	ср. № 13	ср. № 13	10
№ 11 <i>указание даты смерти Бориса</i>	–	ср. № 14	9
№ 12 <i>убийство слуг Бориса, отсечение головы Георгия</i>	+30) ²³	–	27
№ 13 <i>добивание Бориса и его смерть</i>	52	21	36
№ 14 <i>указание даты смерти Бориса</i>	–	5	ср. № 11

Выявленное соотношение рассказов об убийстве Бориса заставляет меня задаться двумя вопросами: (1) почему в перечисленных текстах мы сталкиваемся с несколько раз повторяемым убийством Бориса; (2) почему древнерусские книжники (рассказы которых, очевидно, зависимы друг от друга) так видоизменяли свои источники при описании убиения Бориса.

А.А. Шахматов предположил, что описание добивания Бориса варягами взято “из какой-нибудь легенды” [5. С. 74 (§ 54)]. Исследователь считал, что эпизод с добиванием Бориса варягами отсутствовал в Древн. св., следовательно *раздвоения* убийства не возникало. По мнению ученого, позже на этот текст наложилось местное предание об убиении князя в урочище Дорогожиче между Вышгородом и Киевом, и составителю Нач св. понадобилось вставить в свой рассказ мотив добивания Бориса, чтобы сложить воедино две разные версии убийства [5. С. 74–76 (§ 54)]. Таким образом, по мнению А.А. Шахматова, описание убийства Бориса в Чтен. – один из ярких примеров отражения в этом памятнике более раннего летописного рассказа, чем тот, что дошел до нас.

²³ Описания убийства Георгия и отсечения главы Георгия в летописи представляют из себя единый текст.

Н.Н. Ильин также задался вопросом о происхождении *раздвоения* убийства Бориса. По его мнению, на описание убийства повлияло то, что «в пути “на бору” произошло какое-то замешательство, кортеж приостановился, и наблюдатели издали видели возле покойника, обернутого в шатер, двух варягов с обнаженными мечами» [16. С. 163]²⁴.

К сожалению, все эти соображения не слишком убедительны.

На мой взгляд, решению проблемы *раздвоения* описания убийства Бориса может способствовать изучение истории возникновения источника. К этому вопросу мне уже приходилось обращаться ранее. Этот сюжет дошел до нас не только в древнерусских текстах, но и в повествовании об убийстве конунга Бурислава в древнеисландской “Эймундовой пряди”, где рассказывается, что прежде, чем убить Бурислава, Эймунд со своим побратимом Рагнаром и несколькими исландцами вздернул его шатер на веревке, привязанной к большому дереву, набросив веревку на золотой шар наверху шатра Бурислава. Сюжеты древнерусского и древнеисландского рассказов достаточно несходны, однако каждый из них по-своему близок к сюжету древней скандинавской легенды о гибели свейского конунга Агни, известной по “Саге об Инглингах” Снорри Стурлусона. Согласно этому преданию Агни был повешен на дереве при помощи веревки, привязанной к золотой гривне у него на шее. Близость сюжетов заставляет предположить, что древнерусский и древнеисландский рассказы об убийстве Бориса восходят к одному источнику. Это было повествование, построенное на аллюзии на легенду о гибели Агни. Очевидно, что убийцами Бориса в этом повествовании были названы скандинавы (подробнее см. [19]).

Логичное объяснение *раздвоения* убийства Бориса в свете вышесказанного представляется таким: при первоначальной записи древнерусского рассказа об убийстве Бориса были использованы два основных устных источника, восходящих к первоначальному устному повествованию об убийстве Бориса. В более полном из этих источников уже были потеряны сведения о том, что убийцами Бориса являлись скандинавские наемники²⁵. Вторым источником были слухи о том, что убийцами были два варяга²⁶.

Очевидно, Нестор сильно изменил свой источник из-за желания очистить повествование от излишней конкретики. Сюжет темного летописного повествования, где сначала говорилось о нападении на Бориса (находившегося в шатре) *около* шатра, а затем о повторном убийстве Бориса, которого везли с места первого убийства, *одним* из двух варягов²⁷, был превращен в Чтен. в более логич-

²⁴ С другой стороны, Н.Н. Ильин сопоставлял раздвоенное описание гибели Бориса с аналогичным эпизодом в житиях святого Вацлава: “В преданиях о Вячеславе, равно как и в повествовании об убийстве Бориса и Глеба, находим: и ночное совещание братоубийцы с сообщниками, и коварные его предложения своей жертве, и предостережения, которые получал последний от своих доброжелателей; детали обстановки убийства совпадают: ночь, предсмертная заутреня, избиевание и ограбление приближенных князя и даже само убийство не сразу, а как бы в два приема; о гибели убийц Вячеслава сообщается почти в тех же выражениях, как о гибели Святополка; чудесные явления, благодаря которым было обретено тело Глеба, таковы же, как знамения, которыми обнаружило себя тело бабки Вячеслава, Людмилы” [16. С. 53].

²⁵ На это сказание, вероятно, уже наложилось предание о том, что Бориса убили вышегородцы.

²⁶ Эти слухи, вероятно, основывались на информации о том, что во главе отряда убийц стояли два человека – Эймунд и его побратим Рагнар, о которых рассказывается в “Эймундовой пряди”. Ср. [20. С. 294].

²⁷ В этом повествовании было неясно, откуда Святополк узнал о том, что Борис еще жив.

ный рассказ об убийстве Бориса, выскочившего из шатра после нападения, одним из убийц:

“Бориса же оубивше оканънии оувѣдѣше в шатеръ · възложивше на кола повезоша и · и еще дышюцю ему · оувѣдѣше же се оканънии С(вя)тополкъ яко еще дышетъ · посла два Варяга прикончатъ его · онѣма же **пришедшема** и видѣвшема · яко и еще живъ есть · **единъ** ею извлекъ мечъ пронъзе и къ **срдцю** · и тако скончася **бл(а)ж(е)нии Борисъ**” (Лавр.) [13. Стб. 134].

“Се же ему рекшю, **единъ** отъ губитель, **притекъ**, удари въ **сердце его**, и тако **блаженный Борисъ** предасть душу в руцѣ Божии” (Чтен.) [1. С. 11].

Таким образом Нестор (1) исправил путаницу своего источника с убийством толи в шатре, толи *около* него, (2) исправил путаницу с повторным посыланием убийц и двойным убийством, (3) убрал конкретику, заменив *варягов* на *губителей*.

Автор Сказ., вероятно, имел в своем распоряжении и текст летописи, и Несторова “Чтения”, поэтому в Сказ. мы находим уже не удвоение, а практически утроение убийства: здесь отдельно описано и ранение Бориса в шатре, и смерть около шатра (как в Чтен.), и повторное убийство двумя варягами (как в летописи). Отметим также, что выход Бориса из шатра оказался в Сказ. превращен в выход Георгия – вероятно, эта несостыковка возникла по невнимательности автора Сказ. при контаминации текстов летописи и Чтен. Кроме того, из приведенной выше таблицы видно, что в рассказ о Георгии оказался вклинен большой “риторический” фрагмент. Молитва и сопутствующие сюжеты, заимствованные из Чтен. (где эпизод с Георгием сокращен²⁸), в Сказ. разбили надвое рассказ об убийстве слуги Бориса.

В случае, если автор Чтен. пользовался бы Сказ., возникновение выявленных особенностей было бы необъяснимо.

Подведем итоги. Реконструкция истории текстов борисоглебского цикла представлена в схеме 1.

Схема 1²⁹

²⁸ Отсутствие в Чтен. упоминания золотой гривны еще раз подтверждает вторичность Чтен. по отношению к летописи.

²⁹ На схеме жирные линии обозначают влияние основных источников, тонкие – дополнительных. Курсивом обозначены сказания, бытовавшие в устной форме.

Основным источником всех дошедших до нас текстов об убийстве Бориса послужило устное повествование, сложившееся в скандинавски ориентированной среде, окружавшей Ярослава Владимировича, и содержавшее сюжетную аллюзию на древнюю легенду о гибели конунга Агни (подробнее об этом см. [19]).

В ходе становления религиозного почитания Бориса устное повествование о его мученичестве потеряло память прежнего контекста – скандинавской легенды об убийстве Агни. Рассказчики истории гибели Бориса уже не понимали аллюзии, на которой была построена скандинавская легенда. Поэтому в их устах важные мотивы древней повести терялись и видоизменялись. Обстоятельства смерти Бориса переосмыслились под влиянием других (в первую очередь, христианских) параллелей.

Первый русский *письменный* текст о Борисе и Глебе был создан на основании устных рассказов о гибели Бориса, о гибели Глеба и о борьбе Ярослава и Святополка. Автор письменной агиографической легенды использовал и другие данные, в том числе сведения о том, что Борис был убит двумя варягами. Агиографическая легенда либо изначально была частью летописи, либо чуть позже практически в неизменном виде перешла в летописный текст. Летописная повесть о Борисе, Глебе, Святополке и Ярославе дошла до нас в летописях, восходящих к Нач. св. и ПВЛ, практически без изменений в своей фактической части.

Все версии так называемых рассказов о страстях Бориса и Глеба в древнерусских борисоглебских житийных текстах, тесно связанные друг с другом текстуально, восходят к летописной повести.

Нестор, автор “Чтения о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба”, заимствовал событийную канву летописной повести, однако достаточно вольно изменял данные своего источника для того, чтобы произведение соответствовало агиографическому канону.

“Сказание и страсть и похвала святым мученикам Борису и Глебу” повторило летописные данные значительно ближе к оригиналу, расширив повествование пространными риторическими отступлениями. Различающиеся летописная и Несторова версии описания событий были контаминированы автором “Сказания”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Под ред. Абрамовича Д.И. Пг., 1916.
2. Бугославський С. Пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти). Київ, 1928.
3. Revelli G. Monumenti letterari su Boris e Gleb = Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993.
4. Макарий, еп. Винницкий. История Русской Церкви. СПб., 1857. Т. II.
5. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
6. Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1914 г. СПб., 1914. Т. XIX. Кн. 1.
7. Поппэ А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia mediaevalis*. München, 1995. Т. VIII, 1.
8. Соболевский А. “Память и похвала” св. Владимиру и “Сказание” о свв. Борисе и Глебе (По поводу статьи г. Левитского) // Христианское чтение. СПб., 1890. Ч. 1.
9. Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. II. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе.

10. *Милютенко Н.И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.
11. *Ипатьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2.
12. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* М., 1950.
13. *Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1.
14. *Радзивилловская летопись.* СПб.; М., 1983.
15. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
16. *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа.) М., 1957.
17. *Михеев С.М.* Раздвоение убийства Бориса и история борисоглебского цикла // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2005. № 3 (21).
18. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания.
19. *Михеев С.М.* Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: К проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение. 2005. № 2.
20. *Никитин А.Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.